

Верю в объединительную силу песни

На днях Александру ГОРОДНИЦКОМУ исполнилось 70 лет. С поэтом, бардом, доктором геолого-минералогических наук, профессором, заведующим Лабораторией геомагнитных исследований океана и так далее, и тому подобное обозреватель «Известий» Юлия РАХАЕВА беседовала в Институте океанологии им. П.П. Ширшова. Когда-то здесь на первом этаже шла бойкая торговля одеждой, обувью, другими полезными вещами. Нынче вестибюль ослепительно пуст.

Известия 2003 22 марта с.5.
— Благополучие академического института повысилось настолько, что стало возможно изгнать торговцев из храма науки?

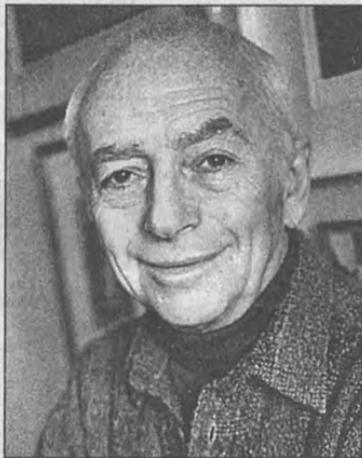
— Торговцы ушли сами. Они поняли, что на ту зарплату, которую платят в академическом институте, ничего не купишь. Полгода нам обещают поднять зарплату, платить за ступени, за должности, а воз и ныне там.

— А если брать какие-то выгодные заказы? Условно говоря, можно ведь куда-нибудь погрузиться с океаническими туристами?

— Это делается. Например, наш знаменитый подводный аппарат «Мир» снимался в кинофильме «Титаник». Но не может фундаментальная наука катать туристов

и использовать дорогостоящую аппаратуру только для того, чтобы гнать монету себе. Пока что наш институт гибнет, если уже не погиб, как и наш самый большой в мире научный флот. Точка возврата пройдена, и все надо начинать сначала. Мы рухнули вслед за космосом, потому что, как и он, были привязаны к ВПК.

— Что же, все так ужасно?
— Кое-что мы все же стараемся делать. Например, моя лаборатория, освоив новый метод высокоточной магнитной съемки, довольно успешно ищет затонувшие суда с химическим оружием на борту. Сейчас мы ведем большой международный балтийский проект по поискам таких целей. Ужасно то, что разрушена преемственность поколений. Наши молодые

ВИКТОР АХЛОНОВ

ученые замечательно занимаются наукой — в Америке и в Европе. В принципе наука едина, и какая разница, где она развивается. Но мне, русскому ученому, обидно за державу. Ну некому сегодня, символически говоря, лиру передать!
— Давайте наконец перейдем к лире. В буквальном смысле.

— А ее тоже некому передать. На смену поколению шестидесятников, плотной когортой вошед-

шему в историю русской общественной мысли и литературы: Галич, Окуджава, Анчаров, Новелла Матвеева, Визбор, ныне здравствующий Ким, не пришло новое поколение. Когда я был молодой, то писал, имея в виду поэтов фронтовиков: «Устало сердце от толчков, набухли вены./ Из бывших их учеников не вышло смельчачей». И дело не в отсутствии талантов в России — поющих очень много, а вот поэтов с гитарами не стало вообще.

— Чем вы это объясняете?
— Это сегодня не востребовано. В 60-х было чувство отдельной личности по отношению к железной пяте вечно неразвятого социализма и лжи, с ним связанной, существовал магнитофониздат. Сейчас имеются попса, тяжелый рок и так называемый шансон, романтизирующий жизнь блатарей. И в литературе идет опасный крен в неформальную лексику, в полное отсутствие нравственной позиции: чем безнравственнее, тем лучше. Неладно что-то в датском королевстве! Но Россия — не королевство, а

империя, которая вдруг развалилась. Будет ли она разваливаться дальше, зависит от нас. Я верю, хоть это и наивно, в объединительную силу песни. Люди, которые поют одни песни, не будут друг в друга стрелять. Хотя сейчас перестают петь. Даже в застолье.

— А если и поют, то сплошь старое...

— Раньше песни приходили с экрана. «Темная ночь», «Шаланды полные кефали»... Теперь и в кино не поют. У меня в одном стихотворении были строчки: «Когда в стране не слышно песен,/ Мне страшно делается в ней». Я хочу объяснить, почему я агрессивно настроен против так называемого русского шансона. Французский шансон — Брассанс, Монтан, Азнавур и другие — это то, из чего возникла во многом наша авторская песня. Окуджава говорил, что, если бы не приезд Монтана, многое было бы по-другому. Раньше имперская песенная индустрия, в которой работали блестящие композиторы и поэты, была направлена на подавление чело- века, на восхваление государства

и партии. Но то, что происходит сейчас, гораздо вреднее.

— Что вы имеете в виду?
— Тогда можно было бороться с гитарой в руках. Сейчас с детства приучают к блатняку, воспевающему братву, романтику краж, убийств и наркотики. А эстетических критериев нет. Люди привыкают к тому, что надо жить по законам блатной зоны. С ними можно будет делать все что угодно, но ни о демократии, ни о великой России говорить не придется. Недавно мы с женой были в Малеевке, в Доме творчества писателей. На пруд приходили купаться мальчики и девочки из лагеря, теперь уже не пионерского, а просто детского, лет по 12—13. Они разговаривали с непонятием мамы. Когда я на них цыкнул, они замолчали и стали испуганно смотреть друг на друга — общение прекратилось. Они не знают другого языка, и это очень страшно. Так вот, Окуджава незадолго до своего ухода сказал, что авторская песня, которая когда-то была в авангарде, стала одним из последних бастионов арьергарда борьбы за души следующего поколения.